

ВАСИЛИЙ
Grandmaster
ГОЛОВАЧЕВ

Хроновыверт

Василий Головачев

Хроновыверт

«ЭКСМО»

1985

Головачев В. В.

Хроновыверт / В. В. Головачев — «Эксмо», 1985

ISBN 5-699-12389-X

Как далеко простираются границы Вселенной? Одиноки ли мы в просторах Космоса и когда произойдет первый контакт? Возможны ли путешествия во времени и между параллельными мирами? Где предел человеческим возможностям? Все эти проблемы чрезвычайно актуальны сейчас, в начале третьего тысячелетия. Василий Головачев имеет собственные взгляды на будущее человеческой цивилизации и на устройство мироздания и убедительно отстаивает их в своих произведениях.

ISBN 5-699-12389-X

© Головачев В. В., 1985

© Эксмо, 1985

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василий Головачев

Хроновыверт

ГЛАВА 1

Докончить фразу он не успел, в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени А» – и приглушенно взвыл ревун. Лозински отвернулся от собеседника, не дожидаясь команды Центра, ткнул пальцем в грибок кнопки экстренной готовности. Последовавшие вслед за этим минуты прошли в молчании: автоматика корабля обрабатывала вводную оперативных постов Центра: люди – четверо в рубке, десять в отсеке десанта и еще десять в отсеке отдыха – ждали своего часа.

Экран оперативной информации выстрелил очередью плавающих цифр и знаков. Пульт управления, темный до этого момента, ожил и принял вид разноцветного панно, меняющего узор с калейдоскопической быстротой. Корабль включил все чувствительные элементы, превратился в чудовищный нервный орган, реагирующий на малейшие изменения окружающей обстановки в радиусе сотен тысяч километров. Компьютер крейсера за секунду проглотил еще несколько порций кодированной информации и начал действовать задолго до того, как эта информация стала известна людям.

Кресла мягко, но неумолимо спеленали людей, слегка откинулись и заполнились белой пеной физиологической компенсации. Над пультом вспыхнула надпись: «Разгон в режиме Ц». Свет в рубке погас, стены растаяли, люди в креслах оказались повисшими в пустоте: под ногами налево – пепельно-серый шар Меркурия, справа – плавающий туннель Солнца, таким оно воспринималось через светофильтры, над головой – шлейф Млечного Пути.

Шар Меркурия ушел вниз и назад, уменьшаясь на глазах. Мимо искрой света пронесло орбитальный энергоузел.

Крейсер стало болтать: влево-вправо, вверх-вниз. Вспыхнула надпись: «Выход на вектор вызова». Дрожь и болтанка корабля ушли в корпус. Желудки людей вернулись на место.

Через две минуты кресла заняли начальное положение, физиопена испарилась с легким шипением. Над пультом раскрылся квадрат виома оперативной связи, обрел цвет и глубину. На командира смотрело суровое лицо дежурного Центра.

– «Славутич», вы на луче целеуказания. Экспресс-старт вызван чрезвычайными обстоятельствами: станция «Солнце-7» провалилась в хромосферу Солнца над полюсом. В нашем распоряжении около часа, точнее – пятьдесят шесть минут. Через семь минут снимем дистанционный контроль траектории, дальше пойдете по пеленгу.

– Экипаж станции?

– Двадцать человек: по десять мужчин и женщин, один из них ребенок.

– Что?!

– Это Боримир Данич, наверное, слышали о таком?

– Ясно, – после некоторой заминки сказал Лозински и повернул голову к собеседнику, с которым разговаривал четыре минуты назад; им был командир десантной группы спасателей Климов. – Готовься.

Виом оперсвязи свернулся в жгут и погас. На пульте зажглись слова: «Пять минут до финиша. Пеленг тверд».

– Эс-у-эн-о-эн, – сказал сидевший справа бортинженер-1 Олег Малютин, что на жаргоне инженеров спасательного флота означало: «Силовые установки и энергооборудование – норма».

– Эс-эс-жэ-о-эн, – эхом отозвался бортинженер-2 Булат Апхазава, что переводилось: «Система связи и жизнеобеспечения – норма».

– Гуд, – коротко отозвался командир.

– Десант – готовность ноль, – сказал Климов. – Объект операции – станция «Солнце-7».

– Принято, – отозвался динамик интеркома. Десант слышал все, о чем говорилось в рубке.

– Параметры объекта на пульт, – приказал Лозински. Компьютер послушно выдал данные о станции «Солнце-7».

– Рекомендации?

– Сначала предупреждение, – ответил компьютер голосом озабоченного человека. – Защита крейсера не рассчитана на работу в условиях хромосферы Солнца. Оперативное время выживания – десять минут.

– Прогноз риска?

– Девяносто девять из ста.

Лозински встретил взгляд Климова.

– Терпимо, – буркнул тот. – Все-таки шанс из ста...

– Все понял, – ответил Лозински компьютеру. – Рекомендации?

Компьютер развернул изображение станции и стал рассказывать, что нужно сделать экипажу крейсера за те десять минут, в течение которых он мог продержаться при температуре в шесть тысяч градусов, силе тяжести, в двадцать пять раз превосходящей земную, в условиях мгновенных скачков плотности раскаленной материи Солнца, диких перепадов электромагнитных полей и чудовищных потоков жесткого излучения.

Время дистанционного вывода корабля на цель истекло, и командир взял управление на себя. В рубке ритмично запульсировал маяк станции, заглушаемый помехами.

Солнце закрыло носовые экраны, потом боковые, обняло весь крейсер. Пропущенное сквозь светофильтры, рубку заполнило алое, без теней, сияние. Все предметы потеряли цвет и плотность, превратились в зыбкие силуэты из пурпурного стекла.

– Функциональный контроль, непрерывную подачу данных на пульт, – скомандовал Лозински. – Визуальный и звук.

В рубке зазвучал голос координатора, докладывающий о состоянии основных узлов крейсера.

Через две минуты автоматы зафиксировали в растворе главного экрана черную точку станции, и Лозински, не глядя, сунул ладонь Климову.

– Удачи!

Климов хлопнул своей ладонью в перчатке скафандра по перчатке командира и выполз из рубки: крейсер снова болтало.

Станция «Солнце-7» представляла собой тор с внешним диаметром в сто метров. На экранах он то сжимался, то распухал, то становился плоским – из-за влияния полей, сбивающих настройку экранов, и Лозински потребовались все его умение, опыт и интуиция, чтобы отыскать на теле станции окно стыковочного узла.

Удар! Серия отголосков в отсеках крейсера! Зеленый огонь стыковки едва пробился сквозь непередаваемо плотное ослепительно алое сияние солнечных недр.

– Пошел! – гаркнул в микрофон Лозински, почти ослепший от бушующего в рубке осязаемо плотного и жгучего света.

– А-а-а-а! – отозвался динамик интеркома хриплым голосом помех.

Начался отсчет оперативного времени. Голос координатора, отсчитывающего секунды, казался ударами грома. Лозински, стиснув зубы, ударом кулака в панель заставил автомат замолчать. Секундные марки времени продолжали мотыльками вспархивать на экране.

Прошла минута, другая, третья...

Вышла из строя система охлаждения первого ходового генератора. Лозински отстрелил генератор, тут же исчезнувший в горниле Солнца без следа.

Четвертая минута...

Отказали ловушки обратной связи, усиливающие изоляцию основного корпуса крейсера. Лозински врубил реактор на форсажный режим.

Пятая минута, шестая...

Вал огня бросил связанные друг с другом крейсер и станцию в глубь хромосферного пятна. Вышли из строя экраны обзора. Лозински с трудом удержался на грани беспамятства от боли в желудке.

Седьмая минута...

Координатор выдал аварийный сигнал всей автоматике корабля: вышли из строя навигационные системы. Лозински скомандовал отстрел автоматики и перешел на ручное управление.

Восьмая минута...

Крейсер стало трясти так, что тошнота подкатывала к горлу. Начала плавиться обшивка моторной гондолы и реакторной группы.

– Что делать, командир? – крикнул бортинженер-2, не успевающий следить за всеми сигналами мелких поломок и аварий, которые непрерывно устранялись киб-ремонтной системой корабля. Пока устранялись...

Лозински не ответил, он ждал...

Климов подал сигнал на исходе двенадцатой минуты:

– Все на борту! Уходим!

Корабль еще держался, но уйти на планетарных двигателях уже не мог. И тогда Лозински принял решение стартовать из Солнца в режиме «призрак». У него не было иного выбора.

В тот момент, когда их повлекло в сторону рождающегося хромосферного факела, он включил спейс-прокол, успев подумать, что крейсер может просто превратиться в протуберанец. А потом...

– Как это случилось? – спросил Спенсер, устремив на Шелгунова твердый и властный взгляд.

Начальник меркурианского Центра аварийно-спасательной службы встретил взгляд, не дрогнув коричневым от загара лицом.

– Что случилось на самой станции, никто не знает. Что касается крейсера... по всей видимости, Лозински состыковался со станцией и успел снять ее экипаж, а потом включил режим «призрак».

– Это факты или догадки?

– Те обрывки донесений, что поймали наши антенны, почти не поддаются дешифровке, тем не менее смею утверждать, что дело обстояло именно так.

– Тогда они погибли. Старт в спейс-режиме в таких условиях...

Шелгунов пожал плечами.

– Специалисты пока воздерживаются от прогнозов. Никто из теоретиков спейс-плавания не просчитывал всерьез подобного варианта. Возможно, «Славутич» выбросило из «Солнца» и он где-то в Системе.

– Но возможно и то, что его забросило глубже в недра Солнца.

Шелгунов воздержался от возражений.

– Понятно. – Директор Управления аварийно-спасательной службы встал из-за стола-пульта и подошел к видеопласту, изображавшему Солнце в радиоспектре. – Прочешите Систему обычными средствами. СПАС переведем на это время на форму «Поиск-экстра». Поторопите ученых с расчетами. Как только они будут готовы – сообщите.

Шелгунов безмолвно наклонил голову в знак согласия.

Спустя трое суток в кабинете директора Управления аварийно-спасательной службы (УАСС) состоялось совещание, в котором приняли участие ведущие специалисты теории мгновенной спейс-связи и руководители секторов и отделов аварийно-спасательной службы.

– Сегодня я могу с уверенностью сказать, – начал совещание Шелгунов, – что экипаж крейсера «Славутич» до конца выполнил свой долг. Он успел снять экипаж станции, но время пребывания крейсера в экстремальных условиях превысило расчетное время безопасности. Обычные планетарные двигатели вышли из строя, и командир крейсера Лозински принял единственно возможное решение – стартовать в режиме «призрак». Всесторонний анализ последствий старта показал, что «Славутич» не взорвался. Это пока все, что мы знаем. Дальнейшая его судьба неизвестна. Но ученые имеют кое-какие интересные соображения на этот счет.

– Разрешите? – встал светловолосый и голубоглазый директор Института спейс-связи Холод-Ладыженский.

– Говорите, – кивнул Спенсер.

– Хочу высказать мнение ученых нашего института. В дебри спейс-теории вдаваться не буду, методы нашей работы тоже не интересны и практически лишены наглядности. Итак, мы приближенно решили задачу, к чему может привести спейс-старт в условиях внешней энергетической подкачки. Получилась любопытная картина. Решение неоднозначно: вероятно, мы еще чего-то не понимаем в теории или наш математический аппарат не способен адекватно отобразить все ее следствия. Модель первая – крейсер «вывернуло» в субквантовую область, то есть он превратился в элементарную частицу. Модель вторая – его зашвырнуло далеко в космос: при том выделении энергии, которое зафиксировали приборы слежения, он может оказаться с равной вероятностью в любой точке сферы радиусом в сто парсеков. Третья модель – крейсер вышел из спейс-струны в минус-вселенной. Есть и четвертая модель, но она и вовсе экзотична. Какая из моделей окажется верной, мы пока не знаем.

– Когда это станет известно?

– Все крупнейшие специалисты по спейс-теории сейчас заняты разработками моделей и экспериментальными их проверками. Думаю, для окончательного выбора единственно верной модели нам понадобится не меньше месяца.

– Это океан времени! А нам прикажете пока бездействовать?

Холод-Ладыженский с укором посмотрел на директора УАСС.

– Зачем же? Можете начинать поиск крейсера теми средствами, которые имеются у спасательной службы. Вполне может оказаться верной гипотеза, что крейсер выпал где-то в космосе в радиусе до ста парсеков.

Никто в кабинете не улыбнулся, хотя фраза прозвучала как только что родившийся анекдот.

– Что ж, и на этом спасибо, – сказал Спенсер, вставая. – Тогда не будем терять времени.

ГЛАВА 2

Дивизион подняли по тревоге, ночью, и Гордоншах, одеваясь на ходу, перебрал в уме все возможные причины тревоги. Подбегая к бетонному укрытию командного пункта, он окончательно решил, что над Атлантикой летят бомбовозы противника.

Сирена смолкла, и наступила пульсирующая тишина, в которой совсем недалеко, в сотне фатгах от КП по радиусу зашевелилась земля и массивные металлические крышки поползли в стороны, сдирая дерн по пути и открывая фермы пусковых установок.

Гордоншах, оглянувшись, в последний раз окинул взглядом коричневое в инфраочках небо, такой же коричневый с черным лес вокруг, багровые решетки антенн радиолокационной станции и нырнул в проем люка.

В кабине командного пункта царил синяя полумгла, льдисто мерцали экраны индикаторов воздушной обстановки, перекликались операторы сопровождения, низкий подземный гул работающих генераторов питания стусеивал все звуки – шел контроль функционирования систем зенитно-ракетного комплекса. Дивизион Гордоншаха представлял собой одну из единиц воздушной обороны Иранистана со стороны горной гряды Пеласгекона и прикрывал полуостров на глубину в пятьдесят пять зхобов.

– Приказ Центра, – доложил с места дежурный офицер наведения Ширмамад, он же заместитель Гордоншаха по связи. – Занять по тревоге боевые места и ждать распоряжений.

– Понятно, – отмахнулся Гордоншах и тут же удивился: – То есть как это ждать распоряжений? Разве тревога учебная?

Ширмамад пожал плечами и уступил сиденье.

– Я запрашивал связистов, те твердят что-то невразумительное о пришельце из космоса, разведке неверных и так далее.

– Ну и дела! – Гордоншах сел на вращающийся стул, окинул взглядом аппаратуру – на панели горели зеленые сигналы готовности ракет к пуску – и надел шлем связи. – Высокое на антенну!

– Есть высокое.

Засветился сизо-белым светом квадрат общего наведения, накалился, и по нему побежала неровная темная дорожка радиовысвета поверхности земли. Гигантский палец радиоизлучения начал прощупывание неба над горизонтом в радиусе трехсот зхобов.

– Пост-три, пост-три, – пробился в наушниках голос оперативного офицера Центра управления. – Выйти на антенну!

– Вышел, – лаконично ответил Гордоншах.

– Сектор поиска: двести десять – триста, высота от пятнадцати до восьмидесяти. Повторяю...

Вверху звякнул люк, и в помещение КП скатился по лесенке заместитель Гордоншаха по вооружению капитан Абдулхарун.

– Ну что? – бросил он, торопливо натягивая дугу с наушниками.

Гордоншах покосился на его распахнутый френч и мотнул головой: не мешай.

– Внимание! Поиск в секторе двести десять – триста. О целях докладывать немедленно! – Он положил руку на штурвал наведения и, подняв радиолуч, плавно повел им вправо в указанном секторе.

Пять минут в помещении КП царил напряженная тишина: гул дизельных электрогенераторов был так привычен, что на слух не воспринимался. Потом луч локатора вырвал из глубин неба ярко просиявшую точку, и невольный вздох вырвался из груди офицеров.

– Очевидно, разведчик, – доложил Гордоншах Центру. – Азимут двести сорок, дальность триста, высота пятьдесят два. Цель одиночная, скоростная, приближается...

– Сопровождайте, – отозвался далекий писк. – На дальности восемьдесят включите оптику. Пуск ракет только по команде.

– Принял, – сказал Гордоншах и рявкнул операторам: – Перейти на автомат! Метеорологи, что слышно?

– В ста зюбах фронт циклона, уходит к югу. Скорость ветра сто и пять.

– Норма, примем почти без помех, – буркнул как бы про себя командир. – Интересно, соседи тоже сидят по тревоге?

– Наверняка, – усмехнулся Абдулхарун. – Они, как и мы, получают тревожный сигнал и разносы в первую очередь.

Офицеры обменялись улыбками. Абдулхарун в отличие от атлетически сложенного Гордоншаха был худ, длиннорук, лысоват. Он был старше командира всего на шесть лет, но морщины, унылое вислое лицо и усталый взгляд старили его на все двадцать. Ирония его часто доходила до цинизма, однако нельзя было сказать, что это не нравится младшему обслуживающему персоналу дивизиона.

Сияющая точка на экранах быстро увеличивалась, вскоре она превратилась в туманное пятно света.

– Дальность сто двадцать, высота пятьдесят, азимут двести сорок пять, цель идет со скоростью семь и три.

– Странно, – не удержался Ширмамад. – Для стратегического разведчика скорость явно велика, да и для спутника тоже.

Гордоншах включил вогнутый экран оптического усилителя. Экран вспыхнул, пригасил сияние и показал в центре не конус спутника или треугольник скоростного авиаразведчика, как ожидали офицеры, а нечто странное, не похожее на привычные глазу формы.

– Ух ты! – воскликнул Ширмамад.

Они увидели яйцевидное тело, проткнутое семью трубами. Размеры конструкции потрясали: яйцо с трубами вытянулось на ползюба, и на концах труб горели светлые серебристые венцы.

– Это не спутник! – пробормотал хмуро Абдулхарун. – И не самолет-разведчик. – Гордоншах озадаченно посмотрел на него.

– Не спутник?! А что?

– Спроси что-нибудь полегче. – Абдулхарун облизнул пересохшие губы. – Спутников такой формы и таких размеров не существует.

– А вдруг неверные опередили нас и теперь демонстрируют свою мощь?

– Оставь подобные заявления нашему шейху.

– Размеры цели: двести в поперечнике, четыреста по длине, – педантично доложил оптик-фотометрист.

Конструкция на экране быстро увеличивалась, и теперь стало заметно, что с каждой пульсацией света на концах труб все гигантское сооружение искажается, расплываясь в очертаниях, и тут же резко, скачком, обретает былую четкость контуров.

– Доложите обстановку, – запищал в наушниках Центр.

Гордоншах некоторое время соображал, что докладывать:

– Цель вижу хорошо, огромное тело необычных форм. Предполагаю, что это чужой...

– Продолжайте наблюдение, – оборвал его Центр, – фотографируйте. Об эволюциях докладывайте каждые две минуты.

– Принял, – со вздохом сказал Гордоншах.

Неизвестное тело полностью закрыло экран своими страшными трубами, в жерло каждой из которых свободно мог уместиться весь дивизион со всей его техникой.

– Цель прошла зенит. Скорость семь, высота сорок восемь...

– Ну и чудище! – сказал Ширмамад и закашлялся. – Вот было бы смешно, влупи мы в него свои ракеты!

– Не отвлекайся, – пробормотал сквозь зубы недовольный Гордоншах. – Может, еще придется.

Летающий за пределами тропосферы исполин пересек линию терминатора и укатился за горизонт.

– Ушел, – с сожалением сказал Гордоншах, снимая наушники. – Неужели не узнаем, что это было? – Подумав, отдал наушники Ширмамаду. – Посиди один. Если будет что срочное – позовешь, мы подышим свежим воздухом.

Офицеры полезли из помещения КП в наступающее утро.

ГЛАВА 3

Тишина в ходовой рубке крейсера стояла такая, что биение собственного сердца отзывалось в ушах канонадой. Лозински покосился на бесстрастного Сонина и вспомнил старинное изречение: «Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых». Что ж, в их положении изречение полностью отвечало состоянию вещей. Старт из Солнца в спейс-режиме закончился в неизвестности, и изменить здесь что-нибудь было уже невозможно.

Беззвучно открылся люк, и в рубку вошел Климов. Был он невысок, хрупок, изящен, и лишь мелькавшие в слегка запавших черных глазах иронические огоньки позволяли отнести его в разряд людей, знающих, на что они способны. Подойдя к подкове пульта, в выемке которого стояли кресла командира и бортинженеров, он бросил в пустое кресло шлем мыслесвязи – эмкан – и сел рядом с Лозински.

– Дистанционное управление не работает. Мыслесвязь сейчас бесполезна, как бинокль слепому.

Лозински исподтишка разглядывал двоих спасателей и думал, что эти в общем-то очень разные люди в чем-то разительно схожи. Не холодным спокойствием глаз, неподвижностью лиц, одинаковостью реакций, нет – работники аварийно-спасательной службы постоянно готовы к действию, риску, и эта готовность, ставшая чертой характера, состоянием души и тела, наложила свой отпечаток на натуры, вылепила мужское в мужчинах, – но эти двое были похожи чем-то еще, заложенным в глубинах психики и жизненного опыта. Как же они оценивают ситуацию?

– Где Апхазава? – спросил Лозински, не меняя позы.

– Вот он я, – отозвался из коридора голос бортинженера-2, и в рубку вошел смуглый, черноволосый Булат Апхазава, перепачканный чем-то маслянисто-желтым. Он был хмур и неприветлив.

– Твоя оценка?

Апхазава постоял у пульта, рассеянно пощелкал кнопками бездействующего ручного управления.

– Автоматика не работает аж до седьмого уровня. И не будет работать, даже если координатор починит все свои исполнительные цепи.

– Это почему же? – спросил Сонин.

– Нештатный режим съел почти все запасы энергии. К тому же мы ослепли – ни один видеоканал не работает.

– Ручное управление тоже. – Лозински бросил взгляд на темный пульт. – Видимо, где-то порваны аксиальные цепи.

– Дела-а! – Климов оттянул воротник свитера. – Одним вам не справиться. Придется начинать ремонт без связи с координатором. И начать надо прежде всего с видео. Чем быстрее мы прозреем, тем раньше определим свои координаты.

– Как себя чувствуют спасенные?

– Почти все нуждаются в стационарном лечении. Не пострадали только женщины и Данич. Кстати, пятеро моих получили ожоги разной степени тяжести.

– Медикам что-нибудь нужно? Наша помощь?

– Нет.

– Тогда начинаем чиниться.

Спустя сутки координатор крейсера сумел устранить обрывы в информационных цепях (команд он все еще не слышал), и люди наконец узнали полный объем разрушений корабля. Ни о каком старте, конечно, речь идти не могла.

Прозрели и видеосистемы. Апхазава обнаружил это случайно, задев на пульте сенсор, включающий аппаратуру видеопередачи. Слепые стены рубки стали «прозрачными», распахнув людям пугающе близкий зев пространства.

Слева от корабля медленно поворачивалась голубовато-зеленая выпуклая стена планеты, из-за которой вынесло вдруг ослепительно желтый диск светила. Пятеро в немом изумлении долго смотрели на диск, заливающий рубку потоком золотого света, потом с тем же чувством разглядывали планету.

Крейсер скользил над Землей, сомнений не было, а светилом было Солнце. Корабль вели автоматы, координатор, не имея связи с хозяевами, сам принял командование на себя. Люди пока ничем не могли ему помочь.

– Вот так удача! – воскликнул наконец Апхазава. – Вынесло прямо к Земле, как в сказке! И вы еще будете уверять, что удачи не существует?! Я думал, нас забросило по крайней мере в другую галактику! А теперь живем! Не понимаю только, почему нас до сих пор не перехватили спасатели земного сектора – сутки крутимся у них на виду, если не больше.

Внезапно корабль содрогнулся, звенящий грохот донесся из его недр, по экрану мелькнули беззвучные синие полосы пламени. На панели координатора перемигнулись оранжево-красные огни и вспыхнула надпись: «Ракетная атака. Эквивалент до двух тротил-единиц».

Лозински послал мысленный приказ, но аппаратура мыслеуправления еще не работала, координатор не отзывался.

– А это еще больший сюрприз! – с угрюмым недоверием сказал Апхазава. – Час от часу не легче! Ракетная атака?! Кто это нас так встречает? Может быть, координатор поврежден и не способен правильно оценивать обстановку?

Никто ему не ответил.

Прошел час, другой, третий.

Еще два раза корабль был атакован ракетами – по оценке координатора. Приборы отмечали направленный поток радиоизлучения: за движением крейсера следили земные локаторы, но и этот факт тоже не укладывался в рамки привычных представлений, потому что поток излучения не соответствовал тому, что знали о земной технике локации инженеры корабля.

– Странное излучение, – бормотал Лозински, изредка посматривая на виом. – В таком диапазоне наземные РЛС не работали никогда. Что у них, пока мы летали, сменили диапазоны?

– Надо как можно быстрее ввести в строй бортовую станцию связи, – негромко произнес Сонин. – Истина станет известна лишь после налаживания связи.

– У меня такое впечатление, будто нас приняли за старинную военную ракету, – сказал Климов. – Но, с другой стороны, «ракетные залпы» – явная чушь! Если бы нас захотели сбить – давно сбили бы и без всяких ракет. Какое-то дикое несоответствие между современным техническим потенциалом и тем, как нас встречают. Куда-то подевалась вся орбитальная техника: ни тебе капсул метеопатруля, ни энергоузлов, ни орбитальных лифтов!..

– Шеф, – позвал Лозински бортинженер-1 Олег Малютин. – К вам на прием просится один из спасенных.

– Проводи его, не то без лифтов заблудится в переходах. Кто он?

– Некто Боримир Данич.

Лозински и Климов обменялись взглядами.

– Интересно, – пробормотал командир крейсера. – Что нам хочет сообщить этот юный представитель хомо супер?

Малютин вышел из рубки и через полчаса привел из медицинского отсека Данича.

Климов и Лозински уже были знакомы с Даничем, остальные его видели впервые, и лишь умение сдерживать себя не позволило им выйти за рамки приличного удивления.

Боримиру Даничу шел двенадцатый год. Это был хрупкий, прозрачноглазый мальчик, в меру подвижный, застенчивый и добрый. Ничего демонического в его облике не было: детское личико чуть более серьезное, чем положено по возрасту, светлые вьющиеся волосы, тонкая детская шея.

Родился он и рос до пяти лет обыкновенным ребенком, не обнаруживая никаких данных с приставкой «сверх». Но потом вдруг в нем проснулся исполин, сверхинтеллект, мальчик за четыре года закончил школу, институт Солнца, вошел в состав Ученого Совета Земли и стал автором двух открытий в физике вакуума, оставаясь все тем же пареньком, любящим детские игры, не чурающимся материнской ласки.

Он безропотно дал обследовать себя медикам, но светила медицины в конце концов только развели руками, поговорили о «ковергентных мутациях», «генном ускорении», «биодиверсии» и прочих премудрых вещах и нарекли Данича первым представителем будущего рода хомо супер. Родители «супера» души в нем не чаяли и продолжали воспитывать так, как предписывали правила воспитания нормальных детей в соответствующем возрасте, изредка прибегая к советам психологов. Боримир рос, как и его сверстники, – по виду оставаясь ребенком, но обладая интеллектом, редким даже для взрослого. Поговаривали, что Боримир способен читать мысли. Было такое или нет, неизвестно, но то, что он мгновенно мог разобраться в любом человеке, соответствовало истине. Интуиция у мальчугана была развита, как ни у одного человека на Земле.

Данич, нисколько не теряясь под взглядами, бегло осмотрел присутствующих в рубке и подошел прямо к Лозински, будто знал, что он командир крейсера.

– Извините, Питер Лозински, не соблаговолите ли вы меня выслушать?

Несколько обалдевший Лозински «соблаговолит».

– Я немного знаком со спейс-теорией, – продолжал мальчишка с некоторым смущением, и Лозински в ответ стало неловко, что он-то как раз с этой теорией знаком меньше, чем «немного». – Видимо, при спейс-проколе произошел не обычный пространственный выверт корабля, а редкий по вероятности хроновыверт, в теории заложена и такая возможность.

– Вы хотите сказать, что... – начал Климов.

– Совершенно верно, – кивнул мальчик. – Нас вывернуло не только в пространстве, но и во времени, и теперь под нами Земля прошлых лет. Судя по встрече, нас выкинуло в начало двадцать первого или конец двадцатого столетия. Точнее можно будет сказать, когда заговорят приемники.

– Я думал об этом, – признался с облегчением Лозински, – но счел это... – Он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

Данич улыбнулся, и все в рубке заулыбались в ответ, столько озорного и детского лукавства было в этой улыбке.

– Я понял. Не хотел бы оказаться на вашем месте. Вы позволите остаться в рубке? Я мог бы помочь в наладке приемной аппаратуры.

– Конечно, – кивнул Лозински, поняв, что с этим малышом надо разговаривать как с равным.

– Пусть идет со мной, – сказал Климов.

Данич с готовностью повернулся к нему, и в это время корабль заметно качнулся с боку на бок, экраны мигнули и погасли. Снова дернулся и мелко-мелко задрожал пол рубки, сдавленный стон донесся из-под пульта, словно тот был живым существом. Потом пол встал почти вертикально и наступила невесомость.

– Ракетная... – прорезался голос у координатора, в динамиках захрипело. – Ракетно-ядерная атака. Повреждены следящие системы. Произвожу аварийную посадку.

– Держитесь! – крикнул Лозински, ныряя в люк. – Сейчас будет до десяти «же»!

Климов отстал от него на полсекунды, схватил Данича на руки, усадил в кресло, и через мгновение перегрузка громом отдалась в его напряженном теле.

ГЛАВА 4

Дивизион Гордоншаха «сидел» на готовности уже девять часов подряд. Воздух в помещении КП нагрелся до того, что командир приказал всем снять верхнюю одежду. Пятый раз они встретили и проводили чужой космический корабль – об этом догадалось даже высокое начальство в Сарвар-центре. Три раза его пытались сбить: над Чатралом и Патаном, но чужак словно не замечал взрывов в своем странном скачущем движении, сбил военный спутник и не ответил на приказы приземлиться в указанном районе. Он пролетал и над территорией неверных – Пеласгулом и Атланторией, но хеттары не пытались его сбить и лишь слали радиозапросы да предъявили ноту протеста в Организацию Всемирного Индпака против преступных попыток уничтожения чужого звездолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.